

Большее ста лет тому назад в деревне Монфермэй, недалеко от Парижа, стоял трактир-гостиница, где останавливались проезжающие. Трактир содержали муж и жена Тенардьё. Однажды весенним вечером на пороге трактира сидела хозяйка Тенардьё. Две хорошенькие маленькие девочки — её дочери — играли рядом. По дороге мимо трактира шла женщина с ребёнком на руках. Она остановилась и долго смотрела на девочек.

— Какие у вас хорошенькие дети, сударыня! — сказала она.

Хозяйка Тенардьё подняла голову, поблагодарила и предложила ей сесть. Женщины разговорились. Мать с ребёнком шла из Парижа; она осталась без работы и шла теперь на родину в поисках заработка. Она знала, что с ребёнком её никуда не возьмут, и ей надо было на время устроить у кого-нибудь свою девочку. Но у неё не было в мире никого, кроме ребёнка, и у ребёнка не было никого, кроме матери.

Увидев таких весёлых, чистеньких детей, она подумала, что у них, должно быть, хорошая мать и что сам Бог направил её к трактиру Тенардьё.

— Согласны вы оставить мою девочку у себя? — вдруг с глубоким волнением спросила она хозяйку трактира. — Я буду платить вам и скоро вернусь за ней.

Тенардые согласилась взять девочку. Ей было около трёх лет, это была крепкая, здоровая девочка с большими голубыми глазами. Её звали Козетта. Мать аккуратно платила за неё, и Тенардые писали ей, что девочка чувствует себя превосходно. Но это была неправда.

Злые, жадные и хитрые люди, Тенардые возненавидели девочку: одевали её в старые платья своих дочерей, кормили под столом объедками вместе с кошкой и собакой, а когда Козетта немного подросла, то стала служанкой в доме. Её заставляли подметать комнаты, двор, улицу, мыть посуду, таскать тяжести. Трактир Тенардые походил на паутину, запутавшись в которой билась Козетта. Она была как муха в услужении у паука. И если бы приехала мать, то она бы не узнала своего ребёнка. Но мать не приезжала и уже давно не присылала денег. Может быть, она умерла?

Так прошло несколько лет. Однажды вечером, накануне праздника, в низком зале трактира Тенардые за столами, освещёнными сальными свечами, собралось несколько проезжих возчиков и странствующих торговцев.

Хозяин Тенардые сидел со своими гостями, пил с ними и рассуждал о политике. Хозяйка готовила ужин на ярко пылавшем огне очага.

Козетта сидела на своём обычном месте — на перекладине кухонного стола, у очага. Она была в лохмотьях и деревянных башмаках на босу ногу. При свете очага девочка вязала шерстяные чулки для хозяйских детей. Под стульями играл котёнок. Из соседней комнаты доносился смех и болтовня хозяйских дочек Эпонины и Азэльмы.

Козетта сидела, грустно задумавшись, и, хотя ей было только восемь лет, она уже столько страдала, что казалась маленькой старушкой. Козетта думала о том, что на дворе ночь, тёмная ночь, что в бочке не осталось воды, потому что пришлось наполнить

кувшины и графины в комнатах для приезжающих, а идти за водой надо далеко в лес. Она надеялась на то, что, быть может, воды сегодня больше не понадобится: ведь все здесь пили вино, а не воду.

Но было мгновение, когда девочка испугалась. Хозяйка подняла крышку с кастрюльки, в которой что-то кипело, потом взяла стакан, быстро подошла к бочке с водой и отвернула кран.

Козетта, подняв голову, следила за каждым её движением. Тоненькая струйка воды потекла из крана и наполнила стакан до половины.

— Ну вот, — сказала хозяйка, — воды-то больше и нет.

Козетта замерла от ужаса.

— Впрочем, — прибавила хозяйка, глядя на стакан с водой, — этого, пожалуй, хватит.

Козетта снова принялась за своё вязание, но сердце у неё ещё долго продолжало колотиться в груди.

Она отсчитывала минуты, и ей очень хотелось, чтобы поскорее наступило утро. Время от времени кто-нибудь из посетителей трактира выглядывал на улицу и восклицал: «Темно, как в яме!»

Вдруг в комнату вошёл один из остановившихся в трактире торговцев и сердито спросил:

— Почему мою лошадь не напоили?

— Не может быть! — ответила Тенардьё. — Её поили!

— А я говорю, хозяйка, что нет, — возразил торговец.

Козетта вылезла из-под стола.

— Право, сударь, — сказала она, — лошадь ваша пила. Она пила из ведра. Она выпила полное ведро. Я сама давала ей пить. И даже разговаривала с ней.

Это была неправда: Козетта лгала.

— Поглядите на неё — ростом с ноготок, а наврала с дом! — воскликнул торговец. — Я тебе говорю, маленькая бесстыдница, что она не пила! Она совсем по-особенному фыркает, когда хочет пить, — я-то уж её хорошо знаю.

Козетта возражала голосом, еле слышным от страха:

— А всё-таки она очень хорошо пила...

— Ну что тут долго разговаривать! — закричал торговец. — Сейчас же напоите мою лошадь, и дело с концом!

Козетта залезла под стол.

— Конечно, — сказала хозяйка, — если лошадь не пила, её надо напоить.

Потом она осмотрелась:

— Куда же девалась девчонка?

Она нагнулась и увидела Козетту, забившуюся в самый дальний угол.

— Вылезай! — закричала хозяйка.

Козетта вылезла из своего убежища.

— Ступай напои лошадь, негодница!

— Но, сударыня... — робко возразила Козетта, — воды больше нет.

— Так пойдя принеси!

Козетта опустила голову и пошла за ведром, стоящим в углу, у очага. Ведро было такое большое, что девочка сама могла бы свободно поместиться в нём.

Хозяйка вернулась к очагу, попробовала деревянной ложкой кушанье, которое варилось в кастрюле, и проворчала:

— Воды в источнике сколько угодно! Пойти да принести — только и всего!

Потом она порылась в ящике стола:

— На обратном пути зайдёшь в булочную и возьмёшь большой хлеб. Вот тебе пятнадцать су*!

---

* Су — французская мелкая монета.

Козетта молча взяла монету и опустила её в карман передника; потом она остановилась с ведром в руке перед открытой дверью. Казалось, она ждала, что кто-нибудь придёт ей на помощь.

— Иди же! — закричала Тенардьё.

Козетта вышла. Дверь закрылась за ней.

Приближались праздники, и в деревню наехало много странствующих торговцев. Со своими товарами они расположились в маленьких лавках, которые тянулись вдоль улицы — от церковной площади до самого трактира Тенардьё. Окна этих лавок были ярко освещены.

Последняя лавка, стоящая как раз против дверей трактира Тенардьё, была полна великолепными игрушками. Впереди, на самом видном месте, стояла огромная кукла в розовом платье, с золотыми колосьями в настоящих волосах и со стеклянными глазами.

Весь день это чудо стояло в окне лавки, соблазняя прохожих моложе десяти лет. Но в Монфермее не нашлось ни одной матери, которая могла бы купить такую дорогую куклу своему ребёнку. Эпонина и Азельма целые часы любовались куклой, и даже Козетта украдкой решалась смотреть на неё.

И теперь, когда Козетта вышла на улицу со своим ведром в руке, такая озабоченная и печальная, она не могла удержаться от того, чтобы не посмотреть на удивительную куклу, на «даму», как она её называла. Козетта рассматривала красивое розовое платье,

прекрасные блестящие волосы и думала: «Какая счастливая, должно быть, эта кукла!» Она не могла оторвать глаз от волшебной лавки. Она забыла всё на свете, даже поручение, с которым её послали.

Вдруг резкий окрик хозяйки вернул её к действительности:

— Ты ещё не ушла, бездельница?! погоди, я доберусь до тебя!

Козетта бросилась бежать со всех ног.

Она больше не останавливалась ни у одной лавки. Пока она шла по главной улице, блестящие огнями окна лавок освещали ей путь, но вскоре исчез

последний огонь последней лавки. Бедная девочка очутилась в темноте, потонула в ней. Ей стало страшно, и она старалась как можно громче греметь ручкой ведра; этот шум помогал ей избавиться от страха. Чем дольше она шла, тем больше сгущался мрак. На улицах никого не было.

Встретилась только какая-то женщина, которая, увидев Козетту, обернулась, остановилась и пробормотала: «Куда же может идти этот ребёнок?» Но потом, узнав девочку, воскликнула:

— Ах, да это Козетта — Жаворонок!

Пока по сторонам дороги тянулись дома или редкие заборы, Козетта шла довольно смело. Изредка сквозь щели ставней пробивался луч света — там была жизнь, там были люди, и Козетту это ободряло. Но по мере того, как она продвигалась вперёд, шаги становились всё медленнее и медленнее. Завернув за угол последнего дома, Козетта остановилась. Идти дальше последней лавки было страшно, пройти дальше последнего дома казалось невозможным.

Козетта поставила ведро на землю. Перед ней было поле — чёрное пустое пространство. С отчаянием она смотрела в эту темноту, туда, где не было людей, где были звери и, может быть, даже привидения. Козетта схватила ведро, страх придавал ей силы.

«Скажу ей, что воды не было!» — подумала Козетта и решительно повернула домой. Но, едва сделав сотню шагов, она снова остановилась. Теперь ей

представилась хозяйка Тенардые, отвратительная, страшная Тенардые с пастью гиены и с горящими злобой глазами. Девочка жалобно посмотрела назад, потом вперёд. Что делать? Куда идти?..

Впереди — Тенардые, позади — мрак и лес. Козетта повернулась и бросилась бегом по дороге к источнику. Она выбежала из деревни, добежала до леса, ни на что больше не глядя, ни к чему больше не прислушиваясь. Она переставала бежать только для того, чтобы перевести дух, но и тогда она всё-таки продолжала идти. Так добралась она до источника.

Было очень темно, но Козетта привыкла ходить сюда за водой. В темноте нащупала она левой рукой склонившийся над водой молодой дубок, который обычно служил ей опорой.

Ухватившись за ветку, она нагнулась и погрузила ведро в воду. Девочка не заметила, как в это время из кармана её передника упала в воду монета в пятнадцать су.

Она вытащила почти полное ведро воды и поставила его на траву. Тут только она почувствовала, что не может сделать больше ни шагу; она опустилась на траву и замерла, присев на корточки.

Козетта закрыла глаза, потом открыла их. Рядом с ней в ведре колыхалась вода, расходясь кругами. Над головой расстилалось небо, покрытое тяжёлыми, тёмными тучами. Дул холодный ветер. Козетта встала. Страх снова охватил её. Скорее бежать, бежать что

есть силы через лес, через поле — к домам, к освещённым окнам, к горящим свечам. Взгляд её упал на ведро. И так велик был её страх перед хозяйкой Тенардые, что она не осмелилась оставить его. Она ухватилась обеими руками за ручку ведра, но у неё едва хватило сил поднять его.

Так прошла Козетта шагов двенадцать, но полное ведро было тяжёлым, и девочка принуждена была поставить его на землю. Она передохнула минутку, потом снова взялась за ручку и опять пошла. На этот раз она прошла немного больше, но вскоре опять остановилась, потом опять пошла. Козетта шла согнувшись, низко опустив голову, совсем как старуха. Ручка ведра впивалась в её маленькие, мокрые и оковеневшие от холода ладони; а когда она останавливалась, холодная вода расплёскивалась и обливала её голые ноги. И всё это происходило в густом лесу, ночью, вдали от людей, а девочке было всего восемь лет!

Козетта дышала с каким-то болезненным хрипом; рыдания сжимали ей горло, но она не смела плакать — так боялась она Тенардые даже издали.

Козетта шла очень медленно. Она с тоской думала о том, что пройдёт не меньше часа, пока она вернётся домой, и что Тенардые непременно изобьёт её. Дойдя до старого, хорошо знакомого каштана, она сделала последнюю остановку, чтобы хорошенько отдохнуть; потом собрала все свои силы, подняла ведро и храбро пошла вперёд.

И вдруг она почувствовала, что ведро стало лёгким. Чья-то рука, которая показалась ей огромной, взяла ручку ведра.

Козетта подняла голову. Высокая чёрная фигура шагала в темноте рядом с ней. Это был человек, неслышно подошедший сзади. Девочка не испугалась. Человек заговорил с ней. Голос у него был спокойный, тихий.

— Это ведро слишком тяжело для тебя, дитя моё.

— Да, сударь.

— Дай мне, я понесу его.

Козетта выпустила ручку ведра.

— Сколько тебе лет, девочка?

— Восемь лет, сударь.

— И ты издалека так идёшь?

— От источника в лесу.

— А далеко тебе ещё идти?

— Ещё с четверть часа.

Человек помолчал немного, потом вдруг спросил:

— Разве у тебя нет матери?

— Не знаю, — ответила девочка и, прежде чем он успел сказать что-нибудь, прибавила: — Думаю, что нет. У других есть. У меня нет.

Потом сказала ещё:

— Я думаю, у меня её никогда не было.

Человек остановился. Он поставил ведро на землю, нагнулся и положил обе руки на плечи девочки, стараясь разглядеть в темноте её лицо.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Козетта.

Они пошли дальше.

— Кто же послал тебя так поздно в лес за водой?

— Госпожа Тенардьё.

— А чем занимается эта твоя госпожа Тенардьё?

— Это моя хозяйка, — ответила девочка. — У неё трактир.

— Трактир? — переспросил человек. — Ну, так я там переночую. Веди меня туда.

— Мы туда идём, — сказала девочка.

Человек шёл довольно быстро. Козетта без труда попевала за ним. Она уже не чувствовала усталости.

Прошло немного времени. Человек заговорил снова:

— Разве у госпожи Тенардьё нет служанки?

— Нет, сударь.

— Так ты у неё одна?

— Да, сударь. — Потом Козетта прибавила: — У неё есть ещё две девочки.

— Какие девочки?

— Эпони́на и Азельма.

— Кто это Эпони́на и Азельма?

— Это барышни, дочери госпожи Тенардьё.

— А что же они делают, эти барышни?

— О, — воскликнула Козетта, — у них красивые куклы! Много всяких блестящих вещей! Они играют.

— Весь день?

— Да, сударь.

— А ты?

— Я работаю.

— Весь день?

Девочка подняла свои большие глаза, полные слёз, и тихо сказала:

— Да, сударь.

Помолчав минуту, она продолжала:

— Иногда после работы, если мне позволяют, я тоже играю.

— Как же ты играешь?

— Как могу. Мне позволяют. Только у меня мало игрушек. Эпонина и Азельма не дают мне играть их куклами. А у меня есть маленькая оловянная сабелька, вот такая.

Девочка показала свой мизинец.

— Она тупая?

— Нет, сударь, острая: она рубит головки у мух и режет салат.

Они дошли до деревни и прошли мимо булочной. Козетта совсем забыла, что хозяйка велела купить ей хлеба. Человек перестал задавать вопросы и мрачно молчал. Когда они подошли к постоялому двору, Козетта робко дотронулась до его руки.

— Вот мы уже подходим к дому, — сказала она.

— Ну так что же?

— Позвольте мне теперь взять ведро.

— Почему?

— Потому что, если госпожа Тенардье увидит, что вы его несёте, она побьёт меня.

Человек отдал ей ведро.

Минуту спустя они стояли у двери трактира. Потом она постучала. Дверь отворилась.

Козетта не могла удержаться, чтобы ещё раз не взглянуть на большую куклу, выставленную в окне игрушечной лавки.

На пороге показалась госпожа Тенардье со свечой в руке.

— А, это ты, дрянная девчонка! Долго же ты ходила! Наверно, заигралась где-нибудь!

— Сударыня, — сказала Козетта, дрожа от страха, — этот господин хочет переночевать у нас.

На угрюмом лице хозяйки сейчас же показалась любезная гримаса. Но после того, как она внимательно

